

по-видимому, в составе мордовского этноса, а переходили в дальнейшем к татарскому этническому самосознанию. Вполне возможно, что некоторые источники отразили именно этот процесс, и поскольку их авторы контактировали прежде всего с татарами, то они и распространяли *разумеется* неправомерное родовое понятие на мордву.

Второе, неоднократно повторяющееся и в ранних и в довольно поздних источниках сообщение, которое вызывает неприятие Н. Ф. Мокшина, это сообщение о значительной свободе половых отношений, в том числе добрачных, у мордвы. Н. Ф. Мокшин настаивает на том, что в традициях мордовского этноса большое значение придавалось девичьей добропорядочности, считает такие сообщения вымышленными или в лучшем случае отголосками «более ранних форм брака», имевших место в первобытности. Однако этнографический материал по многим народам, в том числе и по русским, показывает, что в этом очень сложном и важном для жизни этноса вопросе, т. е. в вопросе брачной и половой свободы, имеющиеся данные не могут и не должны истолковываться односторонне или абсолютизировано. Переход от общинной морали к морали индивидуалистической и частновладельческой, от анимистических, политеистических религиозных воззрений к кодифицированной официальной религии связан с переходом от архаичных брачно-половых моральных норм к новым более жестким нормам. При этом весьма разные, диаметрально противоположные обычаи могут долгое время соседствовать у разных групп одного и того же этноса, сильно различаясь иной раз даже в соседних деревнях, поэтому отрицание Н. Ф. Мокшиным достоверности многократно встречающихся в источниках сведений о значительной половой свободе у мордвы представляется чрезмерно категоричным.

В книге имеется глава, посвященная деятельности самого Н. Ф. Мокшина. Она написана о нем В. И. Васильевым и Р. Ш. Джарылгасиновой. В ней отмечается многосторонность интересов Н. Ф. Мокшина, большая научная ценность вышедших из-под его пера книг. Можно сказать, что и новая книга Н. Ф. Мокшина является очередным ценным вкладом в расширение и углубление этнографических знаний о мордовском этносе и будет с интересом и удовлетворением встречена читателем.

С. А. Арутюнов

© 1994 г., ЭО, № 5

Астраханские татары/под ред. Д. М. Исхакова, Н. А. Халикова. Казань, 1992, 165 с.

Нельзя не приветствовать выход в свет научного издания, специально посвященного слабо разработанным и основательно забытым проблемам этнографии тюрко-татарского населения Астраханской области. Тем более, что материалы сборника подготовлены с учетом широкого круга источников, в том числе совершенно оригинальных. Авторы тщательно проанализировали данные дореволюционной и современной литературы, музейных и архивных собраний. Ими были использованы материалы полевой этнографической экспедиции, которую специалисты Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова провели в августе-сентябре 1989 г. в Астраханской области.

Следует отметить, что авторы сборника не только хорошо знают публикации последних лет в астраханской областной и районной прессе (там активно обсуждались вопросы истории и этнографии), но и подвергают их критическому анализу. К сожалению, в рецензируемый сборник не вошли материалы краеведческих конференций, касающиеся тюркской этнографии и изданные в Астрахани в 1989—1992 гг.

Основное внимание в книге сконцентрировано на проблемах этнической истории и этапах расселения татар (Д. М. Исхаков), их хозяйственной культуры (Н. А. Халиков, Ю. Г. Мухаметшин), ткачества и традиционной одежды (Ф. Ш. Сафина, С. В. Сулова), обычаев и праздников (Р. К. Уразманова, Ф. С. Баязитова), свадебной обрядности (Ф. Л. Шарифуллина), языка, его диалектов и говоров (Л. Ш. Асланов, Ф. С. Баязитова).

Значительный интерес представляют приводимые в сборнике сведения по структуре овощеводческого и животноводческого хозяйства, приемам рыболовства. Авторами зафиксировано пре-

обладание большой семьи у тюрко-татарского населения Астраханской области, а также наличие сельской застройки однорядного типа. Они отмечают, что на рубеже XIX—XX вв. происходит смена саманных жилищ и плетеных мазанок камышовыми каркасно-столбовыми мазанками. Впервые выявлены и сопоставлены компоненты свадебной обрядности, приведены новые образцы народной поэзии, соотнесены между собой «первичные» и «вторичные» (привнесенные и возникшие позднее местные) говоры и диалекты.

Исходя из материалов сборника, вырисовывается новая модель историко-этнографического картографирования для таких переходных, стыковых (между несколькими ИЭО) зон и территорий, как Астраханская область. Таким образом, в рецензируемой книге помимо довольно содержательных фактических сведений сделаны некоторые важные теоретические выводы. Это стало возможным благодаря комплексному, многостороннему подходу в изучении тюрко-татарского этноса, его истории и культуры.

Между тем следует отметить отсутствие общей точки зрения коллектива авторов по ряду исходных понятий. Так, например, сам термин «астраханские татары», вынесенный в название сборника, остается предметом дискуссий. Д. М. Исхаков предлагает считать «астраханскими татарами» — интегрируемой частью татарской нации — всех, кто фигурировал под этим названием в переписях населения в царское время и в советский период (с. 5). Такой подход представляется нам скорее формально-статистическим, нежели раскрывающим суть проблемы. В разряд татар попадают в данном случае практически все нижневолжские ногайцы, а также «трухменцы».

По мнению С. В. Сусловой, название «астраханские татары» может быть условно принято для обозначения «конгломерата этносов» (тюркских) в Нижнем Поволжье (с. 80). Однако, как мы попытаемся показать, не «конгломерация» была ведущим этническим процессом у тюрков Нижней Волги.

Н. А. Халиков специально оговаривает, и, на наш взгляд, вполне обоснованно, что имеются в виду прежде всего средневолжские татары-переселенцы, приехавшие в Астраханский край в конце XVIII — начале XX в. (с. 33). Такого же мнения придерживается и Л. Ш. Арсланов (с. 121, 125 и др.).

Остальные авторы рассматривают одновременно материалы, относящиеся к культуре, быту, традициям как татар-переселенцев, так и различных групп астраханских ногайцев. Подобное рассмотрение в целом допустимо, но лишь на описательном уровне.

Безусловно, связь этих двух народов — татар и ногайцев — в истории и современности очевидна. Однако характеристика данной этнической связи все еще остается предметом спора между авторами сборника (интеграция с консолидацией) и сторонниками нашей точки зрения (ассоциация с элементами дальнейшей диссоциации)¹.

Возникает достаточно сложная научно-практическая проблема, названная нами несколько лет назад «татаро-ногайской»². К сожалению, она получила в свое время нежелательное политическое звучание и вызвала острую реакцию как в самой Астраханской области, так и за ее пределами³.

Роль этнографов в достижении общего согласия по спорным вопросам может быть весьма значительной. Пример тому — обнаруженные и приведенные Д. М. Исхаковым (с. 6, 14, 15) данные о более близкой связи древнего, загадочного этноса «татар Астраханского ханства» с ногайцами, а также сведения Р. К. Уразмановой (с. 89—90) об использовании этнонима «ногай» в отношении части средневолжских татар в Астрахани их соседями.

Тем не менее, некоторые авторы сборника (с. 7, 27, 132 и далее) преувеличивают, на наш взгляд, роль литературного языка «поволжских тюрков» и его преемника — поволжско-татарского — на Нижней Волге, подчеркивая их всестороннее влияние. Ведь знал и использовал литературную речь лишь узкий круг образовавших людей, а «книжная» традиция конкурировала с народно-фольклорной, порой вытесняя ее... О разговорном, этнопоказательном языке населения Астраханского ханства («татары» в древнем значении) современная наука не знает решительно ничего.

Просто же сомневаться, как делает это Д. М. Исхаков, в том, что одна из этнических групп, а именно карагаши, считает свой родной язык ногайским (с. 26), вряд ли продуктивно. Возможно, историкам и этнографам из Татарстана следует еще раз побывать в низовьях Волги.

Ногайский литературный язык, в 20—30-е годы XX в. разработанный на Северном Кавказе просветителем карагашем А.-Х. Ш. Джанибековым, но «не дошедший» тогда до его земляков, наиболее близок этой этнической группе. Он уже пятый год преподается в школах карагашских населенных пунктов, и число учеников, изучающих его, превысило 600 человек из 4 тыс. жителей, назвавших себя «ногайцами» согласно переписи 1989 г. Ведутся передачи из цикла «Тулпар» на

областном радио и телевидении, открыто отделение ногайского литературного языка в педагогическом училище.

Знаток и первый исследователь местных тюркских диалектов проф. Л. Ш. Арсланов характеризует карагашский язык как «язык ногайского типа» и в перспективе как «самостоятельный диалект ногайского языка», имеющий черты исторического сходства с кубанско-ногайским (в прежней, неточной терминологии «акногайским») ⁴.

На страницах рецензируемого сборника недостаточно подробно на наш взгляд, сказано о живущих в Астраханской области небольших субэтнических подразделениях. Это «калпаки» (казанские и мишарские), присоединившиеся в конце XVIII в. к казахам, жившие и частично до сих пор живущие среди них, сохраняющие свои этнические особенности. Это кыргызы-буруты, переселившиеся в середине XVIII в. вместе с калмыками и вошедшие в состав разных групп ногайцев. Это эмеки-джемеки (по архивным данным, «горские татары») среди юртовцев пригородных сел Трех Протоков и Кулаковки — прежде зависимой оседлой группы, потомков военнопленных из кавказских народов.

Данные замечания служат в первую очередь дополнениями к материалам сборника — их нетрудно учесть в последующем. Хотя, пользуясь случаем, я предложил бы новый и, думается, эффективный способ общественной апробации такого рода изданий.

В целом книга написана на высоком научно-теоретическом уровне. Язык ее ясный и доступный для массового читателя. Работа снабжена обширным справочным материалом, а также интересными иллюстрациями (с. 154—164).

Уже сейчас очевиден большой интерес к этому изданию как со стороны ученых, краеведов-энтузиастов, так и национально-культурных обществ, широких читательских кругов из местного населения Астраханской области, которым и посвящен данный сборник.

В. М. Викторин

Примечания

¹ Викторин В. М. На стыке культур//Идель. 1990. № 8. С. 36.

² Викторин В. М. Астраханская область как особая историко-этнографическая зона и задачи по сохранению ее этнокультурного наследия//Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики. (Материалы научного семинара. 16—20 сентября 1989 г.). Астрахань, 1989. С. 18; Баширов Н. З. Где наши корни?//Журналист. 1989. № 8. С. 13; Викторин В. М. Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству)//Матер. четвертой краеведческой конференции. Ч. 1. Астрахань, 1991. С. 46—50; Ижбердеев Р. И. Как нас теперь называть?//Горожанин. 1991. 1—8 октября. С. 2.

³ См.: Викторин В. М. Татары Астраханской области//Российский этнограф (Этнологический альманах). М., 1993. № 1. С. 184—217; его же. Астраханские ногайцы//Ногайцы сегодня. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии). М., 1993. С. 20—31. Док. № 44.

⁴ Арсланов Л. Ш. Язык карагашей — ногайцев Красноярского и Харабалинского районов Астраханской области. Набережные Челны, 1991. С. 14, 15, 67—69.

© 1994 г., ЭО, № 5

Pastoralism in the Levant.

Archaeological materials in anthropological Perspectives. Monographs in World Archeology N 10. Madison, Wisconsin, 1993. 270 p.

Издательство «Prehistory Press» выпустило в свет тематический сборник археолого-этнографического характера. На сей раз его темой является пастушеское скотоводство в Восточном Средиземноморье, представленное в археологических памятниках в основном на территории Израиля, Иордана, отчасти Сирии и Ливана. Семь статей из восемнадцати базируются на памятниках пустыни Негев. Довольно ограниченный, таким образом характер территориального охвата, однако, не снижает общенаучной значимости данного издания по ряду причин. Эти причины следующие: